

Фонвизин Сергей Иванович

Записки свободной женщины

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32   **Сергей Иванович Ф.**
Записки свободной женщины / Фонвизин Сергей Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 260 с.

ISBN 978-5-521-28536-5

ISBN 978-5-521-28536-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

церкви. Я рассчиталъ, что у насъ будетъ свободный часъ. Но кто ее знаетъ, можетъ вернуться и раньше. Нельзя терять ни минуты.

Онъ торопливо досталъ изъ кармана халата кошелекъ, вынулъ изъ него ключъ и протянулъ мнѣ.

— Возьми и отопри тотъ шкаликъ... Видишь, тетради? Это дневникъ... ну, ты знаешь—чей. Я рѣшилъ его издать. Пусть онъ будетъ ей памятникомъ, вѣдь она таковой заслужила. Но для этого требуется большая предварительная работа. Издать его весь, полностью — немыслимо. Тутъ 57 тетрадей. Она вела его почти изо дня въ день двѣнадцать лѣтъ. Листовъ сто печатныхъ наберется, если не больше. Надо сдѣлать тщательную выборку, чтобы книга вышла удобочитаема... Это—разъ. А потомъ придется и почистить основательно. Хотя, по моему, она обладала несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, но писала не для печати, а это, самъ знаешь, большая разница... Работа скучная, неблагодарная,—словъ пѣтъ. И тѣмъ не менѣе...

Онъ приостановился и, глядя на меня пристальнымъ, лихорадочнымъ взглядомъ, закончилъ совсѣмъ неожиданно:

— Обращаюсь къ тебѣ съ убѣдительною просьбой принять этотъ трудъ на себя.

— Но позволь,—сказалъ я съ удивленіемъ. — Ты зналъ ее лучше и ближе, чѣмъ кто бы то ни было. Почему ты самъ не займешься этимъ? Тебѣ и книги въ руки.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ,—онъ закачалъ головой.—Это невозможно, совсѣмъ невозможно... Слушай. Во-первыхъ, я слишкомъ ее любилъ, мнѣ дорога каждая ея строчка,—ну, смогу ли я, подумай, сдѣлать надлежащую выборку...

вѣдь для этого придется, я знаю, выкинуть чуть не девять десятыхъ дневника... Во-вторыхъ, въ немъ много говорится обо мнѣ лично,—выйдетъ своего рода самореклама... Хотя, въ сущности, это не важно, тѣмъ болѣе... Но, главное, мнѣ такая работа не по силамъ. Я и теперь еле двигаюсь, а на-дняхъ меня везутъ въ Давось... Гдѣ ужъ мнѣ. Да и пора. Довольно я настрадался, пора окунуться въ нирвану... Вотъ только мысль о дневникѣ не давала покоя, но теперь... Вѣдь ты согласенъ, общаешься, да?

— Хорошо,—отвѣтилъ я нерѣшительно.—Но...

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, безъ всякихъ «но». Сдѣлай это ради меня, ради нашей дружбы и... дай мнѣ спокойно умереть.

— Да... Но, все-таки, мнѣ хотѣлось бы заняться этимъ сообща съ тобой. Твои совѣты, указанія будутъ очень цѣнны.

— Конечно, конечно. Я и самъ имѣлъ это въ виду. Просмотри дневникъ какъ можно скорѣй, намѣть, что, по твоему, слѣдуетъ сохранить и тогда приходи. Пока я здѣсь, можемъ совѣщаться хоть каждый день; когда же уѣду, будемъ переписываться. Но только, ради Бога, никогда въ своихъ письмахъ не упоминай ея имени... что это ея дневникъ. Пиши, какъ будто дѣло идетъ о твоей личной работѣ, о твоёмъ новомъ произведеніи.

Онъ взглянулъ на часы и ахнулъ.

— Скорѣй, скорѣй! Вотъ оберточная бумага, вотъ веревки... Завертывай и уходи... Ужъ извини,—и на губахъ его появилась жалкая усмѣшка,—помочь тебѣ не могу, а прислугу звать неудобно. Жена такъ подозрительна, спрашиваетъ о каждомъ моемъ шагѣ, сейчасъ начнутся вопросы: что, какъ, почему? А для меня это—

зарѣзъ... Дверь я тебѣ самъ открою,—какъ-нибудь доплетусь,—никто ничего и не узнаетъ.

Онъ устало замолчалъ. Потомъ сталъ тереть лобъ, какъ человѣкъ, старающійся что-то припомнить.

— Хотѣлъ тебя еще о чемъ-то предупредить и забылъ... Ахъ, ты, Господи! Да, вотъ... Когда будешь ко мнѣ заходить, тетрадей съ собой не бери. Я знаю дневникъ почти наизусть, вѣдь онъ уже давно у меня, за исключеніемъ, впрочемъ, послѣдней тетради, которую я нашелъ открытой на ея столѣ, съ еще невысохшими чернилами... Да, какъ подумаешь...

Лицо его страдальчески сморщилось. Онъ опять схватился за грудь и закашлялъ.

— А ты бы помолчалъ,—сказалъ я.—Ты говоришь, не переставая, а тебѣ это вредно. Я могу придти хоть завтра, тогда и доскажешь то, чего сегодня не успѣлъ.

Онъ вытеръ глаза, на которыхъ выступили слезы.

— Спасибо, но теперь, кажется, все. Да... само собою разумѣется, что фамиліи дѣйствующихъ лицъ должны быть измѣнены. Я сдѣлаю это самъ и передамъ тебѣ спсось... Что, тяжело?—усмѣхнулся онъ, замѣтивъ, что я не безъ усилія спустилъ завернутыя тетради на полъ.—Тюкъ изрядный... Ну, какъ-нибудь до швейцара донесешь.

Онъ медленно, съ трудомъ передвигая ноги, прошелъ за мною въ переднюю и уже вдогонку, передъ тѣмъ, какъ закрыть дверь, нашелъ нужнымъ предупредить:

— Если, паче чаянъя, встрѣтишь жену, скажи, что это собственныя твои книги, находившіяся у меня, что я просилъ ихъ взять, по случаю нашего отъѣзда.

Послѣ этого я видѣлся съ нимъ раза три-четыре; а черезъ мѣсяцъ его увезли въ Давосъ. Согласно его же-

ланію, я писалъ ему еженедѣльно. Отвѣчалъ онъ аккуратно, но чисто дѣловыми письмами, въ которыхъ говорилъ исключительно о «Запискахъ». О себѣ же, о своемъ здоровьѣ, несмотря на мои настоятельныя просьбы, почти совсѣмъ не упоминалъ, ограничиваясь краткой припиской въ концѣ письма: «Чувствую себя попрежнему».

Такъ прошло мѣсяцевъ семь-восемь, должно быть, и вдругъ его письма прекратились. Разсчитывая, что въ случаѣ какого-нибудь осложненія въ его здоровьѣ его жена, находившаяся при немъ безотлучно, тотчасъ же меня увѣдомитъ,—она обѣщала мнѣ это передъ отъѣздомъ,—я не беспокоился, продолжая самъ писать ему по обыкновенію. Но когда прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а писемъ не было, я послалъ запросную телеграмму въ санаторію, на которую тотчасъ же получилъ отвѣтъ: «Такой-то скончался тогда-то», — недѣли двѣ назадъ. Его жена и въ этомъ случаѣ осталась вѣрной себѣ. Она всю жизнь смотрѣла на друзей своего мужа, какъ на враговъ, и не сочла нужнымъ увѣдомить объ его смерти кого бы то ни было. Тѣмъ болѣе былъ я удивленъ, когда года черезъ полтора послѣ его кончины она явилась ко мнѣ самолично.

Я никогда ея не любилъ. Я зналъ, какъ много горя причинила она моему пріятелю. Но прежде, изъ уваженія къ нему, я скрывалъ свою антипатію и былъ съ нею всегда вѣжливъ и любезенъ. Теперь же не считъ нужнымъ стѣсняться и тотчасъ же и откровенно высказалъ ей свое негодованіе:

— Вашъ мужъ былъ талантливымъ писателемъ. Его многіе знали, цѣнили и уважали. А вы никого не увѣдомили объ его кончинѣ, даже его друзей, людей ему близ-

кихъ. Мало того, похоронили его тайкомъ ото всѣхъ,—вѣдь и теперь никому съ точностью неизвѣстно, гдѣ поконится его прахъ... Это—возмутительно, этому названія не подберешь. Вы не имѣли никакого права такъ поступать.

Она слушала молча, но лицо ея дергалось, а глаза—широко раскрытые, лихорадочные—горѣли злобой. Когда же я кончилъ, она, захлебываясь и брызжа слюной, залила меня, какъ изъ прорвавшейся плотины, цѣлымъ потокомъ обидныхъ, язвительныхъ словъ:

— Писатель... Фа!.. Какое мнѣ дѣло, что онъ былъ писателемъ. Прежде всего онъ былъ моимъ мужемъ, и я имѣла полное право дѣлать съ его прахомъ, что хотѣла. Писатель! Какая, подумаешь, великая птица! Вотъ гдѣ его писательство у меня сидитъ. Изъ-за него вся моя жизнь была сплошною каторгой... Я измучилась, изстрадавалась!.. Да вотъ и теперь, когда онъ уже умеръ, продолжаю подвергаться оскорбленіямъ... Его друзья, близкіе,—скажите! Да всѣ его друзья были лютыми его врагами... и первый изъ нихъ—вы... Кто, какъ ни вы, ускорилъ его смерть... Да, да! И не принимайте такого удивленнаго вида... я говорю истинную правду... Для чего это, скажите, пожалуйста, вы затѣяли съ нимъ дѣловую переписку? Вѣдь каждое ваше письмо волновало его такъ... такъ... какъ я и сказать не могу... Еще больше волновался онъ, когда вамъ отвѣчалъ... А докторъ одно только и твердитъ: «Для него всякое волненіе—ядъ». Но что же могла я сдѣлать? Онъ совсѣмъ отъ рукъ отбился... Перехватывала ваши письма, пробовала ему не давать,—хнычетъ, стонетъ, умоляетъ: «Я знаю, что письмо есть, отдай его, ты меня убиваешь». Еще хуже выходило... Да, ужъ совсѣмъ

извела меня ваша милая переписка... И какъ благородно, гуманно! Человѣкъ умираетъ, вы это знаете, а требуете отъ него совѣтовъ, указаній, заставляете его работать надъ чужимъ произведеніемъ, послѣдніе соки изъ него вытягиваете... Чужими руками жаръ загребать, — ахъ, какъ хорошо, какъ честно!.. И чѣмъ это вы его такъ обворожили? Не пойму, рѣшительно не пойму. Вѣдь онъ никогда ни къ одной собственной работѣ такъ горячо не относился, какъ къ вашимъ этимъ «Запискамъ»... До чего дошелъ. Совсѣмъ уже умираетъ, лежитъ въ забытѣ, докторъ говоритъ: «Сейчасъ конецъ». Вдругъ открываетъ глаза и, — неудобно ли! — вмѣсто того чтобы подумать обо мнѣ, меня позвать, проститься со мною, требуетъ бумаги и пишетъ... гамъ и опять о вашихъ «Запискахъ»... На-те вотъ, берите! Любуйтесь и радуйтесь!

И она бросила мнѣ на столъ сложенный пополамъ листикъ почтовой бумаги.

— Да это не онъ писалъ, это не его почеркъ, — сказалъ я, развернувъ бумагу.

— Конечно, не его, это я писала. А его записку я тогда же разорвала, очень нужно мнѣ было ее передавать... Я твердо надѣялась, что никогда васъ больше не увижу... Но... но...

Она какъ-то вся съежилась, лицо ея приняло жалкое выраженіе, въ глазахъ показались слезы и тихо, тихо, чуть слышно, она добавила:

— Онъ являлся мнѣ уже два раза... во снѣ... или наяву... и сама не знаю... требовалъ, чтобы я къ вамъ пошла... сказала... грозилъ вѣчными муками... И вотъ... и вотъ... я написала... и пришла...

И вдругъ она громко всхлипнула и закрыла лицо руками.

«Да она сумасшедшая!» подумалъ я и мнѣ стало жаль ее.

— Успокойтесь,—началъ было я. Но она, словно вскинутая пружиною, была уже на ногахъ. Опять лицо ея перекосилось и опять она забрызгала слюною.

— Прощайте! На этотъ разъ, надѣюсь, навсегда! И желаю, отъ души желаю, чтобы ваши проклятыя «Записки» съ трескомъ провалились!

Я взялъ листокъ и еще разъ перечиталъ написанное: «Прощай. Я умираю. Но жалѣю только о томъ, что не удалось прочесть твоихъ «Записокъ». Умоляю, кончай ихъ скорѣй и помни: ничего не измѣняй въ Карелии».

Мнѣ стало грустно и больно... Да, я передъ нимъ виновать. Я забросилъ дневникъ, т. е., вѣрнѣе, работалъ надъ нимъ въ свободное время, только урывками. Меня тяготила эта работа и я приступалъ къ ней съ тяжелымъ чувствомъ. Приходилось слишкомъ много выбрасывать, иногда записи нѣсколькихъ лѣтъ, вслѣдствіе чего получались какіе-то отрывки—безсвязные, порою—безсмысленные. Тогда поневолѣ надо было дѣлать вставки отъ себя, что, въ свою очередь, нарушало цѣльность впечатлѣній. Съ другой стороны, въ дневникъ много говорилось о моемъ пріятелѣ и не всегда такъ, какъ, по моему, слѣдовало бы, какъ онъ того заслуживалъ. Я не могу утверждать, конечно, чтобы авторъ дневника не понялъ и не оцѣнилъ столь глубоко любившаго его человѣка. Однако несомнѣнно, что подъ его перомъ свѣтлый образъ моего пріятеля выпелъ не только не прикрашеннымъ, но гораздо менѣе привлекательнымъ, чѣмъ онъ былъ на са-

момъ дѣлѣ. Но я слишкомъ любилъ, уважалъ покойнаго, а потому относиться къ этому безразлично не могъ и еще въ Петербургѣ, до его отъѣзда, какъ только прочелъ дневникъ, просилъ разрѣшенія кое-что выпустить, измѣнить. Объ этомъ же писалъ ему нѣсколько разъ и въ Давосъ. Но очень уступчивый во всемъ остальномъ, онъ въ этомъ случаѣ выказывалъ удивительное упорство. «Я продолжаю настаивать самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о Карелинѣ, ты не измѣнялъ ни единого слова, за исключеніемъ, конечно, необходимыхъ исправленій слога»,—вотъ что онъ писалъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ. А теперь и предсмертная его записка говоритъ о томъ же. Ну, что же дѣлать? Пусть будетъ по его. Въ концѣ концовъ, я—простой исполнитель его воли, для меня священной, и не считаю себя въ правѣ поступать вопреки столь ясно выраженному имъ желанію.

С. Ф.

Ольховка.

14-го июля 1899 г.

Сегодня мнѣ минуло 21 годъ.

Папа встрѣтилъ меня очень торжественно. Когда я вошла къ нему въ кабинетъ, онъ всталъ, крѣпко меня обнялъ и сказалъ:

— Сегодня ты достигла совершеннолѣтія, сдѣлалась полноправной гражданкой. Я счастливъ, что дожился до этого дня и могу лично вручить тебѣ вещественный знакъ этой полноправности. Получай.

— Что это? Паспортъ?

— Да. Отдѣльный видъ на жительство. Символь избавленія отъ одной изъ многочисленныхъ зависимостей, въ которыхъ, какъ муха въ паутинѣ, барахтается несчастное человѣчество,—символь избавленія отъ зависимости родительской.

— Ты говоришь, папа, какъ настоящій... адвокатъ. Теперь, стало-быть, могу отправляться на всѣ четыре стороны?

— Хоть на пятую,—улыбнулся онъ.—Но такъ какъ свобода, чтобы быть полной, нуждается въ существенномъ добавленіи, безъ котораго она является односторонней, похожей на человѣка, у котораго вмѣсто ногъ костыли, вотъ тебѣ и добавленіе къ ней.

— Чекъ на сто тысячъ. Недурно... Вотъ такъ денекъ!

— Это половина того, что я нахожу возможнымъ тебѣ выдѣлить, пока живѣ. Когда пожелаешь устроиться отдѣльно, можешь получить и вторую половину.

— Тебѣ очень хочется отъ меня избавиться?

Онъ привлекъ меня къ себѣ и поцѣловаль.

— Я только объ этомъ и думаю... Но, шутки въ сторону, дѣло въ томъ, что люди хорошо себя чувствуютъ въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ только въ томъ случаѣ, если знаютъ, что могутъ во всякое время и безпрепятственно разойтись... Ну-съ, а теперь еще маленькій подарокъ.

Онъ взялъ со стола деревянный, свѣтлаго дуба, футляръ, подошелъ къ окну, поднялъ крышку и поставилъ его подъ лучи солнца. Большой изумрудъ-кабошонъ, окруженный крупными брильянтами, засверкалъ тысячами огней.

— Какая прелесть,—сказала я, любуясь чудною игрою камней.

— Узнаешь? Прошлой зимою, во время прогулки, ты, замѣтивъ его, такъ и прилипла къ окну Бутца... Можно носить и какъ брошку, и какъ браслетъ.

— Милый, милый папа!

— Погоди. Еще не все. Но послѣднее подношеніе требуетъ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ. Видишь эту тетрадь? Ты обладаешь такой выдающейся красотой...

Я сдѣлала глубокий поклонъ.

— Такимъ изъ ряда вонъ музыкальнымъ талантомъ... Я присѣла еще ниже.

— Ты такъ образована, такъ...